

Залив Клайд

На Эр и Глазго

Далмеллингтон

Териберри

Стрейтон

Герван

Нью-Дэлли

озеро Дун

Барр

Эр

река Уиг

озеро Трул

Беннан-Хед

Станция Пинвери

Пинвери

Бархил

Багреннан

Баллантрей

На Лари

Финнхарт

Бей-Бей

Графство Уигтаун

Место, где было найдено тело

Клечаниси

Борган

озеро Мабери

Борленд

Миннигаф

Старый свинцовый рудник

Киркоуэн

Криттаун

Странрар

Лох-Райан

Гленлус

Уигтаун

Залив Уигтаун

Порт-Патрик

Сэндхед

Залив Лус-Бей

Гарлистон

Уитхори

Дромор

Остров

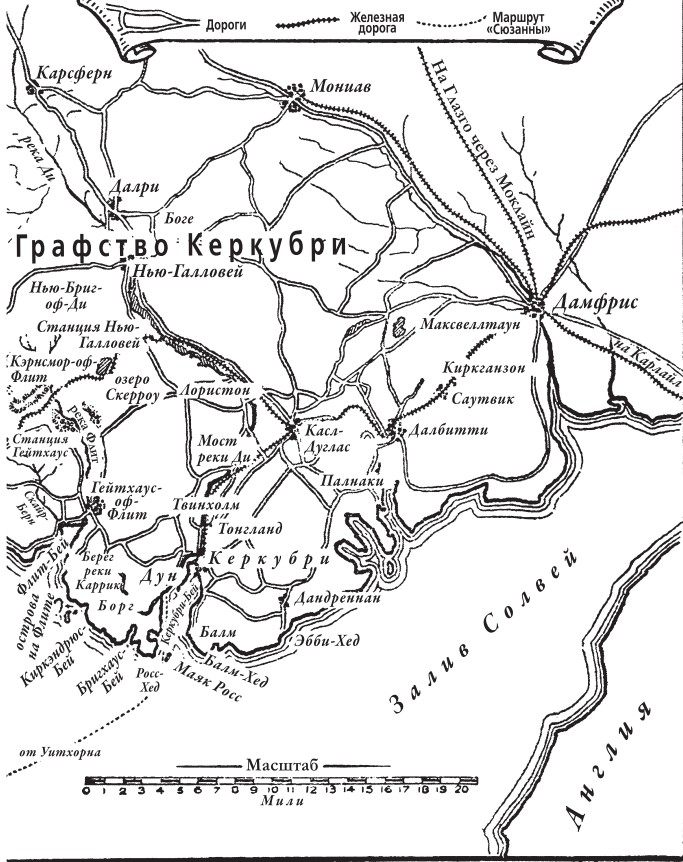
Барроу-Хед

Малл-оф-Галловей

Карта

Галловой

Дороги Железная дорога Маршрут «Сюзань»

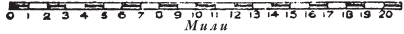

Графство Керкубри

Дамфрис

от Уитхорна

Масштаб

Залив Солвей

Англия

Предисловие

*Моему другу Джо Дигнаму,
самому сердечному из хозяев*

Дорогой Джо!

Вот наконец и увидела свет книга о Гейтхаусе и Керкубри. Все упомянутые в ней места существуют, и поезда тоже. Описание местности соответствует действительности, хотя я добавила от себя пару домов. Но тебе лучше, чем кому-либо, известно, что ни один из персонажей моей книги не похож на реальных людей. Ведь никому из местных художников не придет в голову напиться, сбежать от жены или ударить своего соседа по голове. Все это придумано лишь ради забавы, чтобы сделать повествование более захватывающим.

Если я случайно дала имя настоящего человека герою с дурным характером, прошу передать ему мои извинения и заверить, что я сделала это не намеренно. Ведь даже у отрицательных персонажей должно быть имя. Пожалуйста, передай мэру Лори: хотя действие происходит в эпоху масляных ламп, я не забыла, что теперь в Гейтхаусе есть электричество, благодаря которому можно читать эту книгу.

10 Если ты встретишь мистера Миллара из гостиницы «Эллангоуэн», начальника станции в Гейтхаусе, кассира из Керкубри или одного из сотни добрых людей, терпеливо отвечавших на мои вопросы о железнодорожных билетах, расписании автобусов или старом руднике возле Критауна, передай им мою искреннюю благодарность за помощь и извинения за то, что слишком им надоедала.

Мой сердечный привет всем, в том числе Феликсу. А миссис Дигнам скажи, что мы приедем на следующее лето, чтобы снова отведать картофельных лепешек в «Энвесе».

Дороти Ли Сэйерс

Кэмпбелл в гневе

Если вы живете в Галловее, то вы либо рыбак, либо художник. Хотя союз «либо» здесь не совсем уместен, поскольку все художники на досуге легко превращаются в рыбаков. Человека же, равнодушного к этим двум видам деятельности, считают странным и даже эксцентричным. Рыбалка — привычная тема для бесед в пабе и почтовом отделении, в гараже и на улице. Ее обсуждают все: и приезжие на «роллс-ройсах», прихватившие с собой удилища «харди», и местные жители, задумчиво наблюдающие за раскинутыми в речке Ди сетями. Погода, которую в остальных частях королевства определяют по меркам фермеров, садоводов и отдыхающих, в Галловее оценивается с точки зрения рыбака и художника. Какой бы ни выдался день, рыболов-живописец всегда найдет свою выгоду. Слишком ясный для охоты на форель день заливают светящимися яркими красками холмы и море, а дождь, лишаяющий живописца возможности провести время на этюдах, наполняет водой реки и озера, выгоняя его из дома с удочкой и корзиной для рыбы. В холодные пасмурные дни, когда окрестности тускнеют, а на реке нет клева, наш живописец-рыболов с радостью проводит время в уютном баре, где в дружеской компании может

12 обсудить мушки для спиннингов, а также попрактиковаться в завязывании замысловатых узлов.

Художественным центром Галловея по праву считается Керкубри. Проживающие здесь художники напоминают своеобразное созвездие, центр которого сосредоточен на Хай-стрит, а отдельные звезды мерцают в примостившихся на склонах холмов уединенных коттеджах, озаряя своим сиянием Гейтхаус-оф-Флит. В величественных каменных коттеджах располагаются роскошные просторные студии с высокими потолками и обитыми панелями стенами, блистающие полированным дубом и тщательно начищенной латунью. С ними соседствуют студии попроще — этакие временные пристанища творческих личностей, с превосходным освещением и беспорядочно разбросанными кистями и холстами, являющимися неотъемлемой частью жизни истинного живописца. Здесь есть также небольшие домашние студии с веселыми голубыми, красными и желтыми занавесками и странными образчиками гончарного искусства. Они прячутся на узких улочках, окруженные очаровательными садиками со старомодными клумбами. Почва тут настолько плодородна, что от обилия цветов рябит в глазах. Многие студии и вовсе располагаются в переоборудованных амбарах. Они привлекли своих владельцев простором и высокими потолками, став обитаемыми благодаря переносным печкам и газовым горелкам. У художников большие семьи, служанки в чепцах и кружевных фартуках. А некоторые снимают комнаты и с радостью принимают помощь их владелиц. Кто-то живет с подругой, а кто-то — в полном одиночестве. Одни нанимают

помощниц по хозяйству, а другие предпо- читают вести жизнь отшельников, заботясь о себе самостоятельно. Кто-то пишет маслом, кто-то отдает предпочтение акварели или пастели. Одни увлекаются гравюрой, а другие работают по металлу. Но всех этих людей, представляющих разнообразные направления в живописи, объединяет одно: они воспринимают свою деятельность всерьез и не приемлют дилетантства.

Однако лорда Питера Уимзи в этом сообществе рыболовов и художников приняли весьма дружески и даже с долей привязанности. Он весьма сносно забрасывал удочку и не пытался выдать себя за художника. Будучи англичанином, да к тому же чужаком, не давал поводов для недовольства. Англичан терпят в Шотландии лишь в том случае, если они не задаются. А лорд Питер был, к счастью, лишен этого присущего англичанам недостатка. Да, его акцент резал ухо, а манера держаться порой отличалась от тех, что приняты в здешних краях. И все же за время многочисленных визитов лорда Питера сумели оценить по достоинству и провозгласили совершенно безобидным. А уж если он и позволял себе какое-то чудачество, то окружающие просто пожимали плечами и снисходительно произносили: «Помилуйте, это всего лишь его светлость».

Провидению было угодно, чтобы Уимзи оказался в баре «Герб Макклеллана», когда разгорелась ссора между Кэмпбеллом и Уотерсом. Специализировавшийся на пейзажах Кэмпбелл, возможно, позволил себе на пару рюмок больше, чем следовало, особенно человеку с такой огненно-рыжей шевелюрой, как у него. В результате воинственный настрой шотланд-

14 ца проявился во всей красе. Он разразился хвалебной речью о деяниях джоков* во время Первой мировой войны, прерываясь лишь для того, чтобы указать Уотерсу на низкое происхождение англичан, неспособных даже разговаривать внятно на собственном треклятом языке.

Будучи представителем древнего рода йеменов, Уотерс, как и все англичане, с готовностью воздавал хвалы почти всем иностранцам, кроме даго** и негров, но в то же время совершенно не переносил, когда те восхваляли самих себя. Ему казалось непристойным демонстративно гордиться собственной страной. Ведь это все равно что подробно рассказывать присутствующим в курительной комнате мужчинам о прелестях своей жены. Он слушал пылкую речь Кэмпбелла с той снисходительно-каменной улыбкой, которую иностранец принимает за проявление непроницаемого самодовольства, совершенно не нуждающегося в оправдании.

Кэмпбелл указал на то, что все высокие административные посты в Лондоне занимают шотландцы; Англии так и не удалось подчинить себе Шотландию, и если та захочет самоуправления, она, видит бог, его получит. Когда английские войска утрачивали контроль над своими позициями, приходилось посылать за шотландскими офицерами, которые сразу наводили порядок, и когда на фронте приходилось туго, становилось легче при мысли, что джоки где-то поблизости, на левом фланге.

* Прозвище солдат Шотландского гвардейского полка. —
Здесь и далее примеч. пер.

** Прозвище итальянцев, португальцев, испанцев.

— Спроси любого, кто побывал на войне, приятель, — добавил он, тем самым выказав свое превосходство над Уотерсом, достигшим призывного возраста только к концу войны, — и он непременно поведает, что думает о джоках.

— Ну да, — ответил Уотерс, усмехнувшись, — я знаю, что мне скажут: «Они только и делают, что бахвалятся».

Будучи человеком благовоспитанным да к тому же оказавшимся здесь в меньшинстве, Уотерс оставил без продолжения обидную цитату. Впрочем, Кэмпбелл и сам был в состоянии ее продолжить. Он разразился проклятиями, направленными уже не столько на национальность оппонента, сколько на него лично.

— Проблема шотландцев состоит в том, — произнес Уотерс, когда Кэмпбелл замолчал, чтобы перевести дух, — что в вас сильно развит комплекс неполноценности.

Он с беззаботным видом опустошил свой стакан и с улыбкой взглянул на Уимзи. Вероятно, именно эта улыбка, а не насмешка как таковая, переполнила чашу терпения разъяренного Кэмпбелла. Бросив в адрес своего обидчика несколько достойных осуждения фраз, он выплеснул в лицо Уотерсу часть содержимого собственного стакана.

— О нет, мистер Кэмпбелл! — воскликнул Вулли Мердок, которому не нравилось, когда в его заведении возникали подобные разборки.

Но тут уже и Уотерс не остался в долгу: осыпал Кэмпбелла не менее отвратительными ругательствами, и через мгновение они, сцепившись, катались по полу среди осколков стекла и опилок.

— За это я сверну твою чересчур умную башку! —